

ПОЛИТИЯ

70 ЛЕТ ЮРИЮ ПИВОВАРОВУ

Ключевые слова: Юрий Сергеевич Пивоваров

От редакции. Мимо этого юбилея «Полития» пройти не могла. Не только потому, что Юрий Сергеевич Пивоваров входит в наш Редакционный совет. Не только потому, что он стоял у самых истоков нашего издания, возникшего в 1996 г. Не только потому, что еще за десятилетие до того он стал одним из основателей Межинститутской группы сравнительной и ретроспективной политологии «Полития», из которой вырос и журнал, и много других начинаний и институций. Мы выступаем с этим скромным оммажем прежде всего потому, что без Пивоварова не было бы не только «Политии», но и российской политической науки как таковой. Или, во всяком случае, она гораздо менее соответствовала бы самому имени науки. В ней было бы гораздо меньше самоотверженной, страстной любви к истине. Гораздо меньше чести, достоинства и благородства. В имени и личности Пивоварова все это соединяется. Более того, все это присутствует с огромным преизбытком, которым он щедро одаряет друзей и коллег. Подарок, преподносимый нами сейчас, — лишь бледная тень многочисленных даров, полученных нами от него. С юбилеем, дорогой Юрий Сергеевич!

М.В.Ильин

Юрий Пивоваров — патриот и традиционалист

Михаил Васильевич Ильин — доктор политических наук, ординарный профессор департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН. Для связи с автором: mikhaililyin48@gmail.com.

Если бы мне нужно было одним-двумя словами определить, кто такой Юрий Пивоваров, да еще сделать это в привычных терминах нынешней общественной полемики, то пришлось бы обратиться к словам

«традиционалист» и «патриот» — при всей их неточности и приближенности. Конечно, Юрий Сергеевич, как и большинство из нас, с трудом вписывается в навязанные господствующим дискурсом секторы и квадраты классификаций разного рода «измов». К нему нельзя отнести стандартные определения и характеристики, не рискуя обмануться. И все же главное в нем, на мой взгляд, — это доверие к естественному ходу вещей, приверженность делу, которое он сам любит называть накоплением культурного слоя. В этом и только в этом смысле он традиционалист.

Что касается патриотизма Пивоварова, то он не в партийной принадлежности к популярным или не очень популярным общественным и идейным группировкам, не в звонкости клятв и высоких слов, а в повседневной любви к России. Любовь эта неординарна. Кому-то, возможно, она покажется странной. Истоки ее не только, как для многих из нас, в открывающихся медленному взору «дрожащих огнях печальных деревень» или «дымке спаленной жнивы», но в гораздо большей мере в мыслительном и духовном богатстве, накопленном предками. И богатство это для него не просто данность, которой можно и нужно гордиться или наслаждаться. Это его неустанное и каждодневное дело, которое состоит в сохранении и выполнении аккумулированного поколениями «русского богатства», в его приращении. В этой странной любви немало печали и даже боли от понимания уязвимости и хрупкости нашего богатства, недостаточной плотности, насыщенности и глубины культурного слоя нашей страны. Отсюда его жесткая и острая порой критика тех поворотов отечественной истории, которые были сопряжены с разрушением этого культурного слоя.

Юра любит цитировать Александра Бенкендорфа: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается до будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение». Разумеется, с иронией из-за пафосности и бомбастического стиля этой формулировки. Однако при этом звучит и восхищение скрытой (возможно, невольно) в высказывании Бенкендорфа интуицией, будь она отнесена не к внешней шелухе гордыни, славы и пустых мечтаний, а к действительному нашему богатству — результатам культурной, научной, хозяйственной работы многих поколений русских людей.

Пожалуй, теперь можно попробовать найти лучшие слова для замены абстрактно звучащих терминов «традиционализм» и «патриотизм». Это преданность возделыванию культурной нивы, привязанность к своим корням, народу, стране. Все остальные «измы» Юрию Пивоварову не подходят. Они чужды ему. Это касается и определений «либерализм» и «либерал», которые иногда к месту, но в основном не к месту употребляют по отношению к Пивоварову многие — от яростных критиков и «разоблачителей» до приверженцев и даже друзей. Неуместность использования этих понятий заключается не только в том, что за последний век, а то и более они оказались крайне прихотливо искажены в русской речи по сравнению с исходной традицией, откуда были

заимствованы и где продолжили свое существование. В конце концов, можно было бы сказать: «Hic Rhodus, hic salta»; мы так говорим из поколения в поколение — и баста. Называть Юру либералом лично мне мешает окрашивающий это слово яркий оттенок партийности, ведь он, несомненно, человек беспартийный в самом высоком, не бытовом смысле. «Двух станов не боец...» Но не менее важно, что такая характеристика — даже в мягкой своей трактовке, подразумевающей лишь приверженность современной (в смысле современной, modern, а не наличной, нынешней, contemporary) традиции эмансипации, ставшей ведущим трендом мирового развития, — не вполне отражает жизненное и научное кредо Пивоварова. В первую очередь в силу его укорененности в отечественной традиции и приверженности главному, чем «дышит почва и судьба». А это передают два русских слова — «свобода» и «воля», которые далеко не синонимы. Так что я бы Юру назвал не *либералом*, а *свободолюбом* в самом исконном русском смысле.

С удовольствием вспоминаю, как Юра напомнил мне о годовщине крестьянской реформы 1861 г. Было это еще в 2010 г. Мы как раз планировали второй выпуск ежегодника МЕТОД. Тема была уже утверждена — «Альтернативные парадигмы мирового развития». Обсуждали, чем наполнить выпуск. Подсказанная Юрой идея освобождения оказалась сквозной и для разных парадигм, и для общей логики мирового развития. При этом отечественная проблематика попадала в центр внимания. В результате мы включили в ежегодник статью Пивоварова «О необходимости методологического самоопределения для понимания России», где проблематика освобождения звучала очень отчетливо. С нею перекликались статья Бориса Макаренко «Обретение субъекта модернизации: Российский опыт и глобальный тренд» и моя собственная — «Полтора века русского освобождения в космополитической перспективе». В выпуске были опубликованы также материалы Роккановского семинара и круглого стола в ВШЭ, на которых Пивоваров выступал очень содержательно, а порой и захватывающе.

Не могу не вспомнить и о других замечательных вещах, которыми лично я обязан моему другу Юрию Пивоварову. Прежде всего я благодарен ему за то, что он помог мне лучше разобраться в самом себе и совершить важный поворот в моих научных занятиях. Это произошло во время разговора об образовании в рамках ИНИОНа центра, который я потом возглавил. Вообще, создание во второй половине «нулевых» годов новых по типу центров — сетевых и инновационных — стало одним из важнейших достижений Пивоварова как директора ИНИОНа. Одним был Центр руссиеведения, другим — Центр русского зарубежья. Мне Пивоваров предложил подумать о методологическом центре. Мы обсуждали его концепцию и мучительно пытались найти для него удачное название. И тут Юра задал вопрос, который заставил меня переоценить и понять многое из того, чем я занимался. Он поинтересовался, есть ли некая ключевая научная проблема, которая мучает меня всю мою жизнь, а если есть, то какая.

Сначала я немного растерялся. Однако после размышления вдруг осознал, что всю свою жизнь я пытаюсь понять, как можно оставаться собой и при этом изменяться. Это наметилось уже при чтении и перечитывании. Как связаны каждый момент чтения и произведение в целом? И попутно, хотя это другая проблема: насколько читатель выступает в роли соавтора создателя или создателей произведения? А дальше: как соотносятся разные и часто очень непохожие друг на друга произведения с личностью автора? И что происходит с творческой личностью? Скажем, с молодым Шекспиром, автором «Тита Андроника» и «Комедии ошибок», со зрелым создателем великих трагедий и, наконец, со стареющим творцом «Бури», «Зимней сказки» и «Цимбелина»? Творческому методу последних пьес была посвящена моя кандидатская диссертация. Однако фактически она касалась того, как контрастный дуализм только нарождающихся барокко и классицизма выливается в небывалое единство.

Что до самого синтеза стилей и методов барокко и классицизма, то возникающий в результате творческий метод я назвал *перспективизмом*. Это название акцентировало способность практиковавших его писателей и художников включать в свои произведения альтернативные точки зрения, ракурсы, перспективы, чтобы получить многомерное представление о мире и человеческих судьбах. Надо сказать, что перспективизм рассматривался как следующая важная фаза художественного метода реализма после его зарождения в виде ренессансного реализма.

Потом, уже в своих занятиях политикой, я сосредоточился на возникновении и развитии политических явлений и форм, стилей и методов. Разумеется, здесь тоже нашлось место модернизации. Так я пришел к хронополитике, а точнее, к эволюционной морфологии политики. Этому была посвящена уже моя докторская диссертация. По существу, речь шла о динамическом угле зрения и уточняющем его эволюционном подходе.

Теперь же я занимаюсь вопросами эволюции различных сторон действительности — от биосферы и форм жизни до языка и мышления, от разного рода сигнальных систем до институтов и алгоритмов социальной организации. Меньше 10 лет потребовалось мне для этого нового самоопределения. И наверняка мне пришлось бы потратить куда больше времени и сил, да и результаты были бы скромнее, если бы не вопрос о главном моем интересе, заданный Пивоваровым.

Ну а теперь пристало задать такой же вопрос применительно к самому Пивоварову. Ответить, конечно, нелегко. Не знаю, как бы сформулировал ответ сам Юра. Мне же представляется, что важно разглядеть «трех китов», на которых зиждется дело его жизни. Это сохранение и восполнение накопленного поколениями культурного и интеллектуального достояния, условно — пивоваровский традиционализм. Это также забота прежде всего о нашем, русском, богатстве, культурный патриотизм. Это, наконец, приверженность свободе вообще и нашим русским свободе и воле, глубинное свободолобие Пивоварова.

Когда оглядываешься на сделанное Пивоваровым, то убеждаешься, насколько это значительно. Его бенефициарами стали сотни людей, с которыми он сталкивался, включая и меня самого. Но ими являются и многие из тех, кто, возможно, об этом не догадывается, но для кого ценно и важно приумножение нашего отечественного культурного наследия и русского богатства в самом широком смысле. Хочу поблагодарить за это моего друга Юрия Пивоварова.

А.К.Сорокин

ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО

Андрей Константинович Сорокин — кандидат исторических наук, директор Российского государственного архива социально-политической истории. Для связи с автором: rgaspi_dr@mail.ru.

Юрий Сергеевич Пивоваров, несомненно, личность, выделяющаяся из общего ряда российских интеллектуалов. В отличие от большинства из нас, он не принадлежит к какой-то одной из общественных наук, в замкнутых рамках которых, как в клетке, мы обычно проживаем профессиональную жизнь, но сплетает воедино пространства их всех.

Предмет его исследовательского и гражданского внимания — Россия, *вехи* ее исторического развития, день сегодняшний и завтрашняя перспектива. Его личная боль — российская «катастрофа XX столетия, *безоговорочно проигранный век*». Осмысление этого опыта, концептуализация заключенных в нем драматических событий — вот, пожалуй, ключевое определение того, чем занят Юрий Сергеевич в своих трудах, его метода освоения исторической и актуальной реальности.

Многое из того, что и как говорит сегодня Пивоваров, перекликается с российской интеллектуальной традицией. Одну из своих книг он начал цитатой из Николая Карамзина: «Настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее...»

Продолжу этот ряд.

«Чтобы уметь создавать желательные людские отношения, надобно знать, как создавались действительные отношения. Знание прошедшего учит понимать настоящее, а понимать настоящее нужно» (Василий Ключевский).

«Пора бросить ясный взгляд на наше прошлое, и не затем, чтобы извлечь из него старые, истлевшие реликвии... но для того, чтобы узнать, как мы должны относиться к нашему прошлому» (Петр Чаадаев).

Под высказыванием Карамзина, *наблюдавшего* с высокого берега барской усадьбы течение исторического процесса, уверен, подпишет-ся большинство историков, да и не только историков. А вот два других

приведенных высказывания, как мне кажется, могли бы принадлежать гораздо меньшему числу наших современников, но точно — нашему герою. Наблюдатель призван стать — и становится — *актором* социальных процессов, однако по этому пути идет лишь малая часть представителей гуманитарных профессий. Но это тот выбор, который однажды вполне осмысленно сделал Юрий Сергеевич и которого он последовательно придерживается по сей день. При этом, будучи погружен в пространство русской мысли, он лучше, чем кто бы то ни было другой, понимает не только происхождение *русской системы*, но и особенности ее функционирования, что делает его выбор в пользу социального активизма особенно значимым.

В своем уважении к великим предшественникам, во внимании к их творчеству Пивоваров воспроизводит великую традицию русской историографической школы, он наследует весь комплекс идей русской общественной мысли. Но унаследовав его без изъятий, он, конечно, разделяет отнюдь не все пришедшие к нам *из глубины* идеи и концепции общественного развития.

Сознательно покинув *башню из слоновой кости*, Пивоваров стал субъектом общественного процесса, частью того сегмента гражданского общества, для представителей которого желательность изменений социального порядка *к лучшему* уже сегодня — *modus vivendi*, императив общественного и личного поведения. Отсюда — страстность в изложении мысли, объясняемая стремлением достучаться до каждого, кто услышит или прочтет его. И это *лучшее* лежит за пределами «русской системы». Многовековое «самодержавие власти» — та традиция русской мысли и практики, с которой сам Юрий Сергеевич порвал еще в пору своего интеллектуального отрочества; эту пуповину, по его мнению, следует наконец разорвать и современному российскому обществу.

Поэтому прочь из «*русской колеи*», «прочь все формационные, цивилизационные, иные органицистические объяснения русского пути во времени», прочь постепенный ход истории, ведь он, этот ход, подвержен влиянию свободной воли свободного человека, ибо история — процесс открытый. *Субъектность* индивида — несомненная составляющая и русского либерализма, и русского революционаризма, из которых вышел и наследие которых освоил и перерос Пивоваров. Негативистские коннотации обоих идейных комплексов хорошо нам известны, как известно и то, что формироваться они начали не сегодня. Как показывает история, и не только русская, *слова и смыслы* имеют обыкновение время от времени воплощаться на практике, неотвратимо и часто неожиданно, во всяком случае — для носителей этих смыслов, материализоваться... «Опасный вольнодумец» обычно наследует и этой многовековой традиции.

«...Созданные нашими властителями и нашим климатом, только в силу покорности стали мы великим народом, — заметил однажды Чаадаев. — Просмотрите от начала до конца наши летописи, — вы найдете в них на каждой странице глубокое воздействие власти, непрестанное

влияние почвы и почти никогда не встретите проявлений общественной воли». Юрию Сергеевичу очевидно истощение ресурсной базы этой модели общественного развития в целом. Но также и оснований для функционирования *самовластья*, не обеспечившего «*сбережение народа*».

Произвол, или «*самодержавие власти*», как принцип конституирования социального порядка — константа русской истории. В этой системе координат любые представительные учреждения — симулякры, имеющие целью «укрепить власть» политического режима, а в них заседающие — «собственные орудия» властей предрержащих, готовые «исполнять их предначертания». Катастрофа русского XX века родом из самовластья. Его белые и красные формы последовательно сменяли друг друга в нашей недавней истории, сшибаясь в разрушительных столкновениях, снося до основания практически весь социальный порядок, что доставался им от предшественников.

Отсюда, из травматичного социального опыта, — пивоваровская парадигма «*презумпции обязательности освоения политического русской культурой*». И *политическое* Пивоварова — субстанция более сложная, нежели привычные большинству российского народонаселения общественные отношения господства-подчинения, пронизавшие социальную структуру снизу доверху. Власть *не над, а для* — вот, как мне кажется, важнейшая несущая конструкция его концепции. Движение социума вперед возможно лишь «при взаимном воздержании и взаимном уважении», при разумном стремлении к «должному», за определением которого нас (неожиданно) отсылают к христианской культуре, «каковой по преимуществу является русская культура». Само введение «политического» в пространство культуры в только что названных формах «воздержания и уважения» принципиально важно, поскольку представляет собой разрыв с еще одной многовековой русской традицией — конфронтационным типом индивидуального и социального поведения, столь укорененным в российском социуме.

Труды Юрия Сергеевича в высшей степени эмоциональны, насыщены эпитетами и фигурами речи. Его тексты — это размышления ученого, вставшего на путь, указанный Ключевским: «дедовские безыдейные нужды, привычки и похоти судите не дедовским судом, прилагайте к ним свою собственную, современную вам нравственную оценку, ибо только такой меркой измерите вы культурное состояние, отделяющее вас от предков, ушли ли вы от них вперед или попятитесь назад».

Применительно к социальным активистам, выросшим на российской почве, их современники зачастую задаются (причем нередко не риторически, а в форме *гражданского доноса*) и таким вопросом: да полноте, а патриот ли он? Удивляться тому не приходится, ведь слишком часто в отечестве своем «мы имеем пока только патриотические инстинкты. Мы любим наше отечество еще на манер тех юных народов, которых еще не тревожила мысль...» (Чаадаев); нам по-прежнему

невдомек, что «восхвалений всего хорошего, что есть в отечестве, ныне уже недостаточно» (Николай Добролюбов). Как часто при виде казенных патриотов хочется вслед за Виссарионом Белинским воскликнуть: «Терпеть не могу восторженных патриотов, выезжающих вечно на междометиях». Постоянно процессирующая *рефлексия*, не оставляющая места для междометий и инстинктов, — неотъемлемая составляющая ментального склада Пивоварова, так отличающая его от многих *как бы думающих* наших современников.

Характерная черта Юрия Сергеевича — страстная вера в то, что каждому из окружающих его найдется дело в переустройстве этого мира на лучших началах. Он говорит «нет» оправданию нашей неготовности превратиться в совершеннолетнюю нацию, нашему оправданию обреченности. История творится человеком — не устает повторять наш герой. Возможно, увлеченность не всегда способствует строгости его аналитических построений. Но, признаюсь, мне, как и Белинскому, «жалки и неприятны... спокойные скептики, абстрактные человеки, беспаспортные бродяги в человечестве». Человек мира, Пивоваров имеет прописку, и это не *остров*, но корабль по имени «Россия», палубы, кают-компания, рулевая рубка и машинное отделение которого требуют каждодневной дежурной приборки. В российской культуре такие дежурные есть всегда, и Юрий Сергеевич — наш *дежурный по апрелю*.

Обязательность политического в жизни и культуре общества и каждого отдельно взятого гражданина — его *категорический императив*. Иначе — «„проклятое прошлое“ вновь настигнет нас... добьет уже навсегда», иначе — «полная гибель всерьез».

О.В. Гаман-Голутвина

ИСТОРИЯ КАК ПОДЛИННОЕ НАСТОЯЩЕЕ

Оксана Викторовна Гаман-Голутвина — доктор политических наук, член-корреспондент РАН, зав. кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, профессор-исследователь департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», президент Российской ассоциации политической науки. Для связи с автором: ogaman@mail.ru.

Если бы меня спросили, откуда родом Юрий Пивоваров, то я бы ответила: из «короткого» XX века (1914—1991), героической эпохи «Большого стиля» — большой литературы, больших идей, великих дебатов. Но он не только родом из этой эпохи; он остается в ней и живет по ее законам. *Cogito ergo sum* — вот форма его существования...

Пивоваров — фигура крупная, многогранная, но, отдавая должное его разносторонности, хочу особо остановиться на одной стороне его деятельности. В 2001—2004 гг. Юрий Сергеевич был президентом Российской ассоциации политической науки (РАПН), и под его руководством она обрела новое качество и смысл. В течение не только этих, но и последующих без малого десяти лет ИНИОН был для РАПН настоящим домом. Он предоставил свою площадку и для конгресса РАПН 2003 г., и для ее ежегодных конференций, и для выступлений приглашенных ассоциацией зарубежных классиков, таких как Иммануил Валлерстайн, Джон Хигли, Клаус фон Бойме и др., что в период становления отечественной политической науки (именно *науки*, поскольку отечественная политическая *мысль* насчитывает несколько веков) было крайне важным. Стены ИНИОНа были свидетелями жестких интеллектуальных битв, бурных концептуальных дискуссий, ставших по факту научной лабораторией и одновременно — творческой мастерской, в которой были подготовлены многие знаковые труды.

Деятельное участие Пивоварова в работе РАПН не случайно. История ассоциации являет собой замечательный пример необычной судьбы российских институтов гражданского общества, о котором принято говорить как о «великом немом» отечественной политики. Она была создана советским государством в чисто пропагандистских целях в далеком 1955 г., когда сама категория гражданского общества была не в ходу, и задолго до официального признания права политической науки на автономное от господствующей идеологии существование. Однако затем, еще даже до того, как СССР окончательно ушел в историческое небытие, декорация ожила — и жива до сих пор. Первичные условия для этого закладывались старшим поколением — Георгием Шахназаровым, Федором Бурлацким, Александром Галкиным, Юрием Красиным, Вильямом Смирновым. Но само дело было сделано поколением Пивоварова. И им самим — бесспорным лидером поколения.

Позднее, уже в 2010-е годы штаб-квартирой РАПН стал МГИМО, но и это кажется продолжением того же сюжета. Ведь Пивоваров — выпускник МГИМО, однокурсник его ректора Анатолия Торкунова. Этот университет уже давно добавил к своему основному статусу «кузницы дипломатических кадров» репутацию одного из ключевых центров роста и развития российской политической науки. Учителя, с которыми Пивоваров встретился в этих стенах, прежде всего Николай Разумович, во многом определили строй его мысли.

Каков этот строй, в чем Пивоваров видит метасмысл политической науки? А смысл этот в ней он, безусловно, видит, иначе не стал бы заниматься и ее организационной структурой. Не претендуя на исчерпывающий ответ, позволю себе высказать свое мнение на этот счет.

На мой взгляд, Пивоваров — стихийный, но убежденный конструктивист. Он стоит на том, что наука не просто важнейший институт

социальности, но один из творцов истории. Наука обладает невероятной креативной силой, она занимается созиданием и потому играет фантастически важную роль, особенно в странах с неустоявшейся институциональной системой, к каковому относится и Россия. Пивоваров писал, что русскую историю создал Ключевский, хотя многие не только не подозревают об этом, но даже не читали его труды. «Историк не просто пишет историю, социолог — изучает общество, а политолог — политику. Политолог *создает* политику, социолог — общество, а историк — историю. В каком-то смысле эти люди упорядочивают хаос. Хаос — это отсутствие смысла. Они вносят в коммуникации смысл, выделяют, формулируют его». Возможно, именно в этом Пивоваров и усматривает метафизику политической науки.

Думается, Пивоваров не случайно повторяет, что он больше историк, чем политолог: порой кажется, будто он стремится создать *собственную* историю, поскольку неудовлетворен реальной российской историей. В его глазах Россия — «неприемлемая страна» (так называется одна из его работ). Пожалуй, он мог бы повторить вслед за Петром Чаадаевым: «Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в человечество, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру». Конечно, он полностью отдает себе отчет, что «нет ни одной национальной истории, в которой не было бы морального ужаса, стыда, позора. Практика колониализма ужасна... но он вычитывается из всей великой истории Запада, перед которой мы с восхищением снимаем шляпу». Однако как проблемный он, судя по всему, воспринимает прежде всего российский опыт.

И в этом Пивоваров предстает воплощенным противоречием. Он погружен в русскую историю, он живет внутри ее, он признает, что русская история и есть подлинная русская идея. Но он не принимает и оспаривает русскую историю, а, следовательно, и философию русской идеи. Пивоваров — «очарованный странник» истории русской *мысли*, но не стихий *событийной* русской истории. Он определенно и осознанно перпендикулярен по отношению к ней. Он не готов расстаться со свободой. Он заведомо индивидуалистичен. Он категорически против растворения в «мы» и не расположен петь в хоре. Возможно, именно вследствие такой его «перпендикулярности» в выстраиваемом им здании недостает осознания *вынужденного характера* внутренней несвободы данной конструкции. Складывается впечатление, что Пивоваров понимает ее как трансцендентную, ниспосланную свыше. Готова допустить, что так оно и есть. Но это только часть правды — во всяком случае, применительно к ее генезису и смыслу. На мой взгляд, в ней не хватает главного — признания того, что эта конструкция стала ответом на экзистенциальный вызов судьбы, который был тяжелейшим испытанием. Бесконечное терпение и беспримерное усилие наполняют практически всю русскую историю. XX век, жестокий настолько, что его исход до сих пор не предопределен, хотя на дворе уже

другое тысячелетие, — не исключение. И я не могу согласиться с Пивоваровым в том, что Россия этот век проиграла. Смысл и историческое оправдание этого *русского века* очевидны: в Великой войне конца 1930-х — начала 1940-х годов именно Россия, повторив путь Христа на земле, в очередной раз своей жертвой — на этот раз воистину беспримерной — встала «нерушимой стеной» на пути антихриста и тем самым отстрочила конец времен. Невероятные усилия и бесконечные жертвы Великой войны были ценой не *победы*, а самой *жизни*, и отказ русской истории от свободы был не свободным выбором, но платой — запредельно высокой — за выживание.

Будучи неудовлетворен реальной историей России, Пивоваров, похоже, хотел бы эту историю переписать, одновременно создав и «свою» политику России. Поэтому столь естественно его обращение — не только как историка, но и как политолога — к русской революции. Он хорошо понимает ее нешаблонную диалектику: большевики «лишь приклеивали коммунистические ярлычки к... говорившему в них течению... коммунистическая идеология оказалась лишь полезной этикеткой для жестокой необходимости» (Лев Карсавин); «чуда рождения новой жизни не произошло» — советское государство не более чем «новая форма старой гипертрофии государства в русской истории», новое воплощение «идеи Иоанна Грозного», и русский коммунизм более традиционен, чем принято считать, поскольку «он есть трансформация и деформация старой русской мессианской идеи» (Николай Бердяев). Пивоваров к этому добавляет: «Советский эксперимент готовили не только народовольцы и марксисты или неразумная часть царской бюрократии. Его готовила и русская либеральная демократия».

Отсюда пристальный интерес Пивоварова к отечественной интеллигенции, образованному сословию, ведь именно радикальная максималистская интеллигенция, вдохновляемая «*любовью к дальнему*» (Семен Франк), стала локомотивом трех русских революций начала XX в. «Русская революция есть духовное детище интеллигенции», — указывали еще авторы «Вех». И потому она несет метафизическую ответственность и за постреволюционную эволюцию.

Обращение Пивоварова к теме интеллигенции естественно еще и потому, что он, по его собственной мысли, — типичный чеховский интеллигент: «Чехов придумал нас. Мы — порождение Чехова». Типичный, возможно, в том числе и в своей имманентной русской культуре антиномичности (любовь-ревность-ненависть). В своей погруженности в то, что не принимает (русская история и русская идея), он наследует неизжитой за прошедшие два века антиномии (и находится как бы внутри ее): спору линии Чаадаева, отрицавшего любовь к отечеству с «закрытыми глазами», с логикой Николая Карамзина, которому, как известно, сильно досталось еще от Пушкина за признание «необходимости самовластья» и воспевание «прелести кнута».

Но вот что любопытно. Радикальная отечественная интеллигенция начала XX столетия как социальный тип ведет свою родословную от

«лишних людей» XIX в. А те, в свою очередь, если верить Пивоварову, обязаны своим появлением вымыслу — «лишние люди» появились, когда о них написали, а потом и заговорили. Чацкие и Печорины возникли после того, как Грибоедов придумал Чацкого, а Лермонтов — Печорина. Их не было ранее — их создала литература. Возможно, поэтому литература обретает статус методологического основания того дома, который строит Пивоваров: его история предстает как *история литературы*, вернее, *литература становится историей* или даже *больше чем историей*.

По всей видимости, именно с этим связан интерес Пивоварова к «эластичной» методологии, которую он определяет как POSSIBILITIZM, но которую точнее было бы назвать альтернативизмом. Согласно этой методологии, никакую проблему нельзя рассматривать сквозь призму только одной концепции, ибо не может быть некоей «высокой» общей теории, которая все объяснит. Даже в прошлом, где все уже совершилось, исследователь должен искать альтернативные по отношению к реализованным вариантам возможности — как минимум потому, что эти возможности могут воплотиться позже. Гераклит заблуждался, полагая, что все меняется. Да, все течет, но меняется немного. Во всяком случае, человеческая природа, похоже, остается той же, какой она была в эпоху Гераклита. Мне всегда было очевидно: *прошлое не умирает. Оно даже и не прошлое...*

Сдается, однако, что современный «лишний человек» — это вовсе не оппонирующий власти интеллигент. Не Чаадаев и Карамзин — стороны ключевого противоречия наших дней, и даже не бюрократическая власть и оппозиция ей. Неожиданно для обеих они могут оказаться на одной стороне истории, ибо обе они из эпохи «Большого стиля», в которой было место большим идеям, масштабным страстям и, главное, большой литературе, которая и есть единственно подлинная история. Наше время — это время не страстей, а сетей, невидимых и бесшумных, но всепроникающих и всеохватывающих. И даже молниеносно воплотившийся в QR-кодах и явно заставший врасплох всех участников «правильной», то есть идеологической, войны «Большой брат» невидим и бесшумен, но всепроникающ и всеведущ, а значит, в потенции и всемогущ. Водораздел здесь не в партийных идеологиях — все они в равной мере могут оказаться «неформатом». На место романа (и книги как таковой) в качестве единицы коммуникации пришел твит, для которого идея — не *формат*. Литература Пивоварова (вопреки его всегдашней формальной беспартийности) — серьезна и «*партийна*» (как сказал бы политический классик начала XX в., рассуждавший о «партийной организации и партийной литературе»), и потому может обнаружиться, что, подобно всем генералам, он готовился к прошлой войне. Его подлинными оппонентами могут стать не славянофилы и даже не бюрократия. «Другой стороной» истории может оказаться ее... исчезновение. Историю заменит постмодернистский глум — сетевые фейки, скороморшненькие мемы и симулякры, симулякры, симулякры... И симуляции. Это

актуальный «*апофеоз беспочвенности*» как не имеющей онтологического референта, здесь нет — и не может быть — места для *cogito ergo sum*. И в этой ненастоящей (не в смысле виртуальности, а в смысле *смысловой неподлинности* или даже *антиподлинности*) реальности не будет места литературе — ни партийной, ни беспартийной. В этой реальности *мир* — это действительно *война*, а *правда* — это точно *ложь*, вернее, *постправда*.

В этом мире постправды история и историки могут оказаться лишними. «Лишними людьми» из прошлого. Но хочется верить, что подобный исход не предрешен, что реальная, серьезная история и наполненная смыслами политическая наука будут иметь продолжение, как и утверждаемая Юрием Пивоваровым формула — *cogito ergo sum*.

О.Ю.Малинова

ОБ ИНСТИТУТАХ, НАУЧНОЙ КАРЬЕРЕ И РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ НАУКИ

Ольга Юрьевна Малинова — доктор философских наук, профессор департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник ИНИОН РАН. Для связи с автором: omalinova@mail.ru.

Карьера ученого существенно зависит от качества профессиональной среды. Имеют огромное значение институты, которые формируют такую среду на макро- и микроуровне. Но не меньшее значение имеют люди, которые эти институты создают и поддерживают. В лице Юрия Сергеевича Пивоварова я встретила именно такого человека. Я пришла в ИНИОН РАН в 2002 г., уже будучи доктором наук, но еще не вполне определившись со своей исследовательской повесткой. Когда я решила отметить свой юбилей монографией, которую собрала из статей, написанных за годы работы в ИНИОНе, стало ясно, что именно там и тогда я состоялась в профессии. Я немало этим обязана Юрию Сергеевичу как руководителю, коллеге и человеку. Были многие часы разговоров на разные темы — и научные, и производственные, и «за жизнь». Вспомнить можно многое. Юрий Сергеевич — блестящий ученый, споры с ним были чрезвычайно увлекательны. Но я сосредоточусь на другой стороне его таланта — искусстве создавать научную среду.

Юрий Сергеевич всегда поражал меня своим масштабным мышлением в том, что касалось институционализации политической науки.

Причем мышлением деятельностным, потому что рассуждал он не только о проблемах и перспективах, но и о том, что можно сделать сейчас или завтра. Собственно, важным для политической науки в России был и сам ИНИОН, и то, что Юрий Сергеевич делал как его сотрудник и впоследствии руководитель. Я помню, как, готовя свой первый курс по политологии, которую ввели в учебные планы, когда еще не было учебников, я часами сидела в читальном зале ИНИОНа, изучая базовую литературу и рефераты, подготовленные его сотрудниками. Юрий Сергеевич инициировал создание нашего отдела политической науки и превращение ИНИОНовского сборника в журнал «Политическая наука», главным редактором которого какое-то время был он сам. Он всегда очень придирчиво относился к работе отдела и редакции журнала. Ох, сколько было споров! Не сомневаюсь, что, прочитав эти строки, он тоже найдет, с чем не согласиться. Но в этих спорах рождалась репутация журнала.

Юрий Сергеевич много сделал для становления Российской ассоциации политической науки. Он возглавил ее в критический момент, когда нужно было «подставить плечо», и неизменно помогал, чем мог. Долгие годы большие и малые мероприятия ассоциации проходили в ИНИОНе. (Помню, как каждый раз, договариваясь о проведении очередного семинара или конференции, я слышала от Юрия Сергеевича: «Ведь они же курить будут. А здесь библиотека, нельзя». И мы предупреждали коллег, следили... Никто не мог предположить, что беда эта ИНИОН не минует, но придет она с другой стороны.) И позже, став почетным президентом, Юрий Сергеевич неизменно интересовался делами ассоциации. Его очень занимала судьба политической науки в системе Российской академии наук, ведь в результате реформы ее «представительство» оказалось утрачено. Он часто рассуждал о том, что надо растить структуру, из которой при благоприятном стечении обстоятельств можно было бы сформировать академический институт. Этим планам не суждено было сбыться.

Структуры, несомненно, важны, но науку делают люди. Юрий Сергеевич всегда поражал меня тем, как последовательно он выращивал людей, создавая для них структуры внутри института. Казалось бы, не бог весть какой ресурс — научный центр, занятый работой над продолжающимся изданием. Ведь никаких дополнительных возможностей за рамками того, что полагалось ИНИОНу, не было. Тем не менее на наших глазах возникли Центр россиеведения, Центр перспективных методологий социально-гуманитарных исследований, ежегодники которых стали точками роста для целых научных направлений. Мне Юрий Сергеевич тоже настойчиво предлагал подумать о такой перспективе. Правда, специальный центр создавать не стали, но появился сборник «Символическая политика», пять выпусков которого мы подготовили с Валентиной Ефремовой и другими коллегами. Сегодня понятие «символическая политика» широко используется российскими политологами, и, думаю, наш ежегодник сыграл

в этом свою роль. Хотя, помню, о названии мы с Юрием Сергеевичем спорили — ему оно казалось неудачным. Но дело не в этом. Это большое счастье — иметь руководителя, который подталкивает тебя к новым проектам, порой нещадно критикует, но и искренне радуется твоим удачам.

К сожалению, институты — хрупкая штука. Они подвержены трансформациям, не всегда в лучшую сторону; под влиянием обстоятельств они могут разрушаться или перерождаться. Порой люди живут дольше, чем институты, которые они создавали и которые создавали их. Но люди несут на себе отпечаток этих взаимодействий. Уверена, что многие из нас признательны Юрию Сергеевичу за ту среду, которую он создавал. И благодарны за то, что он помог нам состояться в профессии.

С.И.Каспэ

ЧЕЛОВЕК, ОТКРЫВАЮЩИЙ ДВЕРИ

Святослав Игоревич Каспэ — доктор политических наук, профессор департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный редактор журнала «Полития». Для связи с автором: kaspe@politeia.ru.

Я воспользуюсь привилегией главного редактора и напишу то, что действительно хочу написать, — даже рискуя тем, что написанное не будет понятно почти никому, кроме меня самого и академика Пивоварова. Я просто хочу сказать Юрию Сергеевичу: я помню все те двери, которые он передо мною открыл.

Я помню двери ИНИОНа, его библиотеки и даже — нечто невообразимое для тогда совсем еще молодого человека — ее абонемент. Я помню двери отделов и читальных залов ИНИОНа — каждого, где успел побывать. И я помню, как после нескольких минут разговора в его собственном кабинете Пивоваров вдруг порывисто вставал, вел меня по пронизанному светом, щедро украшенному зеленью зданию, под руку вводил в нужную дверь, произносил несколько слов — и для меня распахивались новые миры и новые возможности.

Я помню двери того же ИНИОНа, которые Пивоваров открыл для нас, когда «Полития» 10 лет назад осталась без прежнего пристанища и ушла в свободное плавание. Эта гавань оказалась временной, она тоже в прошлом — огонь безжалостен. Но если бы она не нашлась тогда, кто знает, дожил бы наш журнал до сегодняшнего дня? Кто знает, продолжал бы я каждый год вручать молодым ученым «Салминские

премии», названные так в честь и память старинного друга Юрия Сергеевича, вместе с ним основавшего «Политию», — Алексея Михайловича Салмина? Каждый лауреат получает комплект книг Салмина: собрание его сочинений, выпущенное нами *post mortem*. И каждому из них я объясняю, почему эти книги выглядят так странно, почему на них лежит какой-то черный налет. Объясняю, что это пепел ИНИОНа. И каждый раз при этом мысленно вижу бледное, опрокинутое лицо Юрия Сергеевича тем проклятым утром 31 января 2015 г. И его стиснутые челюсти. И думаю, что он не сдался тогда. Что он не сдался до сих пор. Что он не сдастся никогда. А значит, огонь безжалостен — но не всемогущ.

Я помню обстоятельства своей докторской защиты. Ведь для меня это тоже была как будто дверь — и вдруг она чуть не захлопнулась. И я помню, что именно Юрий Сергеевич в последний момент протянул руку — и остановил движение неумолимо закрывающейся створки. Мы с ним никогда не говорили о том, что тогда произошло. Кажется, я даже не поблагодарил. Благодарю сейчас; и не забываю, и не забуду никогда.

Я смотрю на книжную полку — и вижу еще одну дверь, открытую им. Это тоненькая брошюра в голубой обложке — всего 80 пожелтевших, обтрепанных от многолетнего перелистывания и перечитывания ротاپринтных страниц. «Политическая культура: Методологический очерк» (М.: ИНИОН, 1996). Тираж — 500 экземпляров, и даже фамилии Пивоваров на обложке нет, только на контртителе. Открыв ее впервые, я еще совершенно не предполагал, что свяжу свое будущее с политической наукой. Но уже давно я понял, что вошел в нее именно через эту книгу. Не только через нее, конечно; но она была первой. Я продолжаю к ней обращаться.

И последнее. Это позор, что перед человеком, всю свою жизнь открывающим двери для других (точно знаю, что далеко не только для меня), многие двери закрылись. И это позор не только для тех, кто тому способствовал и способствует. Это позор для всех нас. Для тех, кто молчит; для тех, кто хотя и говорит, но шепотом; для тех, кто вытеснил из памяти и ту пытку, которая началась пять лет назад, и то, что она до сих пор не закончилась. Это, без преувеличения, *национальный* позор. Юрий Сергеевич, я горячо желаю Вам того же, что Вы так щедро дарите всем нам: открытых дверей. То есть — свободы.

ΠΟΛΙΤΕΙΑ

YURI PIVOVAROV'S 70 YEAR ANNIVERSARY

Keywords: Yuri Sergeevich Pivovarov

Editorial note. *Politeia* could not gloss over this anniversary. Not only because Yuri Pivovarov is a member of our Editorial Council. Not only because he stood at the very origins of our Journal that was founded in 1996. Not only because even a decade before that, he became one of the founders of the Inter-Institute Group of Comparative and Retrospective Political Science *Politeia*, which gave birth to this Journal, and many other undertakings and institutions. We present this modest homage primarily because Russian Political Science as it is, let alone the Journal *Politeia*, would not exist if it were not for Pivovarov. Or, in any case, it would be much further away from the very idea of science. There would be much less selfless, passionate love of truth. Much less honor, dignity and nobility. The name and personality of Pivovarov have it all. He has a plethora of these personality traits, which his friends and colleagues can enjoy. The gift that we are presenting here is just a pale shadow of the many gifts we received from him.

The published work presents a collection of texts that tell us about the hero of the anniversary as well as his place in modern Russian social science community. The collection contains texts written by Mikhail Ilyin, Professor at the National Research University *Higher School of Economics* (NRU HSE), Head of the Center for Advanced Methodologies of Social and Humanitarian Research at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS); Andrei Sorokin, Director of the Russian State Archive of Socio-Political History; Oksana Gaman-Golutvina, Head of the Comparative Politics Department of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Professor at NRU HSE, President of the Russian Political Science Association; Olga Malinova, Professor at NRU HSE, Senior Research Fellow at INION RAS; and Svyatoslav Kaspe, Professor at NRU HSE, Editor-in-Chief of the Journal *Politeia*.